

УДК 929:82.161.1(045)

*Ю.А. Скиба***КРЕПОСТНИЧЕСКАЯ ЭПОХА В ЛИЧНОМ И ТВОРЧЕСКОМ ОПЫТЕ****С. Т. АКСАКОВА И М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА**

В статье на материале двух произведений – «Семейной хроники» Аксакова и «Пошехонской старины» Салтыкова-Щедрина – проясняется существенная разница в воспроизведении писателями уклада и нравов крепостнической эпохи. Щедрин дважды напрямую обращается к опыту Аксакова, но всякий раз не развивает, а отталкивается от него, чтобы объяснить изображаемое по-своему, в сатирической версии. В статье факторам социального родства писателей противопоставлена разность их жизненных обстоятельств и соответствующего опыта. Обосновывается мысль о том, что в творческой работе Аксакова и Салтыкова-Щедрина имело место разное соотношение личных впечатлений, сторонних фактов и художественного воображения. На примере двух образов из «Семейной хроники» показана их противоречивость, чуждая социальной типологии. В свою очередь, Щедрин исходит из идейно-художественной системы, которой подчинены одномерные образы, воспроизведенные в его «Пошехонской старине».

Ключевые слова: обличение, идеализация, сатира, детские впечатления, помещичий быт, типизация.

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-1-203-208

Многие критики и литературоведы ценили в произведениях С. Т. Аксакова положительный взгляд на изображенную эпоху. На этом основании его даже противопоставляли Н. В. Гоголю и объявляли главой нового направления в литературе. Об этом писали, например, видные критики рубежа 1850–1860-х гг. С. П. Шевырев и Ю. Ф. Самарин [10, с. 216–219]. Спустя 150 лет такие суждения актуализировались. В. В. Кожинов, например, увидел в произведениях С. Т. Аксакова «завязи будущей русской прозы», включая И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского [3, с. 15]. В том же духе пишут и современные авторы: ««Семейная хроника» Аксакова – это, пожалуй, первое большое произведение, которое преодолело «критическое направление» в литературе, фиксировавшее в российской действительности по преимуществу пошлость и варварство» [10, с. 226].

Между тем, С. П. Шевыреву и Ю. Ф. Самарину приходилось в свое время бороться с противоположным мнением. Впервые оно было высказано Н. А. Добролюбовым, у которого С. Т. Аксаков предстал как «обличитель поневоле» [2]. Тем самым «Семейная хроника» стала «знаменем двух конфликтующих партий. Оказалось, что ее можно свободно интерпретировать двумя противоположными способами: как антикрепостническую книгу и как сочинение, содержащее идеализированное описание патриархального быта» [10, с. 215].

Нужно заметить, что «демократическая» интерпретация аксаковских произведений продержалась в научном «мейнстриме» без хронологических пауз со времен Н. А. Добролюбова до наших дней. Это вполне объяснимо: в советскую эпоху в науке доминировали суждения сторонников соцреализма, и издержки соответствующего подхода до сих пор не до конца изжиты. При этом для переиначивания прямых смыслов текстов С. Т. Аксакова имеется апробированный еще Н. А. Добролюбовым прием: идеям автора противопоставлялся смысл образов. И это даже подавалось как преимущество писателя: «Внутренняя логика художественных образов, созданных писателем, была шире его политических идей. Такова была сила большого реалистического искусства» [8, с. 58–59]¹.

Обратим теперь внимание на М. Е. Салтыкова-Щедрина. В причислении его к обличителям крепостнической эпохи нет никаких сомнений. Вместе с тем, при сопоставлении последнего его произведения, «Пошехонской старины», с аксаковской «Семейной хроникой» возникают вопросы и к авторам, и к их персонажам. Прежде всего, для начала заслуживают внимания социальные параметры. С одной стороны, С. Т. Аксаков и М. Е. Салтыков-Щедрин – выходцы из родовитых помещичьих семей, и тем самым они должны были знать описываемую среду не понаслышке. Однако, с другой стороны, очевидна кардинальная разница в их политических и эстетических позициях по отношению к материалу творчества. С. Т. Аксаков умиротворенно описывал крепостнический уклад во всех его

¹ Здесь и далее в цитатах курсив наш. – Ю. С.

выражениях. М. Е. Щедрин, в свою очередь, то же самое описывал с неприкрытой ненавистью. Кроме того, нужно иметь в виду еще и другое: С. Т. Аксакову не довелось хотя бы дожить до отмены крепостного права, тогда как М. Е. Салтыков-Щедрин с гневом писал как о прошлом, так и о настоящем положении дел. По поводу пережитков крепостничества во всех сферах жизни он негодовал в 1860-х и даже в 1880-х гг. Например, в «Пошехонской старине» он выражается так: «...хотя старая злоба дня и исчезла, но некоторые признаки убеждают, что, издыхая, она отравила своим ядом новую злобу дня» [11, т. 17, с. 9]².

Так что, говоря современным языком, «бэкграунд» у Аксакова и Салтыкова-Щедрина был слишком уж разным во многих отношениях (кроме социального происхождения). Хорошей иллюстрацией к этому может служить мотив первых детских впечатлений. Известно, например, как он выразился в последних произведениях С. Т. Аксакова и Л. Н. Толстого. У обоих это были разные впечатления (ведь душевная жизнь уникальна), но общий фон составляла память об испытанной в детстве заботе, которую оба ощущали со стороны взрослых. М. Е. Салтыков-Щедрин подобных впечатлений не описывал, однако и от него дошло соответствующее свидетельство. Однажды он рассказал С. Н. Кривенко: «А знаете, с какого момента началась моя память? <...> Помню, что меня секут... кто именно, не помню, но секут как следует, розгой <...>. Было мне тогда, должно быть, года два, не больше» [5, с. 54–55]. *Одного пеленают, моют в корыте (Толстой), около кровати другого в период болезни проводят ночи (Аксаков), а третьего секут розгой. И понятно, почему С. Т. Аксаков и М. Е. Щедрин стали в конечном счете такими разными художниками и людьми, воплотившими различный поведенческий и коммуникативный опыт. По свидетельствам современников, дом Аксаковых в Москве и их имение Абрамцево были центрами душевного притяжения, во многом благодаря личности хозяина, главы семьи [см.: 8, с. 40]. Совсем иным был М. Е. Салтыков-Щедрин. Его биограф, С. А. Макашин, имел основания заключить: «Салтыков и в качестве главного редактора пользовался <...> репутацией крайне сурового, жесткого, раздражительного и гневно человека» [7, с. 183].*

История личных и творческих взаимоотношений С. Т. Аксакова и М. Е. Салтыкова-Щедрина небогата фактами, но примечательна. Один из разделов «Губернских очерков» М. Е. Салтыков, впервые тогда подписавшийся «Щедрин», посвятил С. Т. Аксакову. Тот в 1857 г. написал автору письмо (до нас не дошедшее) и получил ответное: «С сердечной радостью получил я почтеннейшее письмо Ваше от 26 августа. Ваше одобрение по многим причинам для меня драгоценно, и я вижу в нем новое для себя обязательство к продолжению посильных трудов моих» [т. 18/1, с. 181]. Известно, что «Салтыков не раз признавал и в письмах, и на страницах своих сочинений, вплоть до «Пошехонской старины», силу впечатления, испытанного им от эпически-бытовых полотен С. Т. Аксакова. Несомненно, они входят в генезис салтыковской «хроники»» [7, с. 440]. Но при сопоставлении произведений писателей очевидно, что этот генезис получается, как правило, «от противоположного»: своё М. Е. Салтыков-Щедрин почти неизменно противопоставляет аксаковскому.

В «Пошехонской старине» Салтыков-Щедрин дважды напрямую апеллирует к Аксакову. Вначале, в главе «Воспитание нравственное», он пишет об участии природы в воспитании детей, сравнивая свой и аксаковский опыт: «Мне было уже за тридцать лет, когда я прочитал «Детские годы Багрова внука», и, признаюсь откровенно, прочитал почти с завистью. Правда, что природа, лелеявшая детство Багрова, была богаче и светом, и теплом, и разнообразием содержания, нежели бедная природа нашего серого захолустья <...> Но ежели дети не закупорены наглухо от вторжения воздуха и света, то и скудная природа может пролить радость и умиление в детские сердца» [т. 17, с. 35].

Здесь характерно, что поначалу (первый наш курсив) сатирик невольно ошибается при сравнении «богатой» аксаковской и «бедной» своей природы. «Завидовать» было особенно нечему. *Вот как воспринимает будто бы «богатую» природу поместья Багрово предполагаемая матушка Аксакова: «Все ей не нравилось, все было противно: и дом, и сад, и роца, и остров» [1, с. 200–201].*

Позднее и сам автор отчасти солидаризируется с подобной точкой зрения: «Место голое, пустое, на припеке, на плоском берегу; кругом ровная степь с сурчинами, ни деревца, ни кустика, река тихая, омутистая, обросшая камышом и палочником... Кому же все это понравится? Ничего казистого, великолепного, живописного; но Алексей Степаныч [предполагаемый батюшка. – Ю. С.] так любил это место, что даже предпочитал его Багрову. Я не согласен с ним, но также очень полюбил тихий домик на берегу Кинеля» [1, с. 211]. Таков С. Т. Аксаков: его личная позиция независима и в то

² Далее это издание цитируется в тексте с указанием в скобках тома и страницы.

же время не враждебна тем, с кем он общается. Между двумя оценочными точками зрения – материнской и отцовской – он легко соблюдает аксиологический баланс.

М. Е. Салтыков-Щедрин, в свою очередь, в процитированном выше суждении о природе считает нужным поправить сам себя (см. наш финальный курсив): *кажущаяся скудной, природа способна благотворно воздействовать на детские сердца – лишь бы детей не «закупоривали», не отгораживали от нее. Как бы в противовес увлечениям С. Т. Аксакова рыбной ловлей и охотой М. Е. Салтыков-Щедрин в «Пошехонской старине» вспоминает: «Ни о какой охоте никто и понятия не имел. <...> И зверей и птиц мы знали только в соленом, вареном и жареном виде»* [т. 17, с. 35–36].

Подобное потребительское отношение к природе сатирик еще двадцатью годами ранее заклеил в своей сказке «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил». Там генералы, как мы помним, догадались найти для удовлетворения своих нужд мужика, который их всем и обеспечил. Вот и в «Пошехонской старине» находится свой, подобный сказочному, «мужичина»: дичью, «чуть не задаром, оделял всю округу *единственный в этой местности ружейный охотник, <...> крестьянин Лука*» [т. 17, с. 11].

Теперь обратим внимание на разность в обстоятельствах жизни С. Т. Аксакова и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Для первого характерно породнение с сельской средой. Даже в пору городской жизни и недолгой чиновничьей службы его тянет к природным условиям, и он приобретает, для душевного отдохновения, поместье Абрамцево [4]. В то же время, в отличие от своего деда (в Хронике – Степан Багров), Аксаков-старший не был успешным сельским хозяином. Как следствие, большое семейство Аксаковых годами находилось в стесненном материальном положении [9].

Что касается М. Е. Салтыкова-Щедрина, то здесь всё было иначе. С 10 лет он «вырвался» из местной среды (поступил на учебу в Московский дворянский институт, с последующим переводом в Царскосельский лицей) и с этого времени раз и навсегда «вписался» в городскую среду. Здесь он был успешен, сделал для многих «завидную» чиновную карьеру. После отставки в 1868 г. он работал в редакции журнала «Отечественные записки». В материальном отношении тоже всё было благополучно. Вначале были высокие должностные оклады, а затем как пайщик «Отечественных записок» Салтыков-Щедрин также не бедствовал. Как результат, писатель не затруднялся в обеспечении комфорта для себя и для семьи. В этой связи он даже испытывал нечто вроде «комплекса кающегося дворянина» [7, с. 94–95].

Произведенное сопоставление важно для того, чтобы иметь в виду следующее: в описаниях поместного быта, нравов и характеров Аксаков свои личные детские и зрелые впечатления лишь дополняет воображением, тогда как Щедрин полагается на детские воспоминания, но дополняет их фактами «со стороны» и в основном рассчитывает на сатирически окрашенное воображение. Этому соответствуют и разные принципы изображения человека у Аксакова и Щедрина.

Принято считать, что одномерность воссоздания характеров не свойственна большим художникам слова. Но почему тогда многих критиков С. Т. Аксакова не устраивала в «Семейной хронике» именно противоречивость, неоднородность образа главного героя, Степана Багрова: смущала буйность его натуры, жестокость по отношению к крестьянам и к домашним. Как представители демократической критики (Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский), так впоследствии и приверженцы соцреализма, комментируя «Семейную хронику...», указывали на «контраст между настроением радости, царящим в барском доме, и безысходным горем, которым поражены крестьяне, вынужденные за бесценок распродать скот, хлеб, избы, домашнюю рухлядь и на телегах тащиться бог весть куда, – этот исполненный трагизма контраст сразу же вводит читателя в атмосферу крепостнического быта» [8, с. 39]. При этом предпочитают не замечать регулярно упоминаемые в «Семейной хронике» благие последствия решений Багрова-старшего для жизни тех же крестьян.

В числе подобных критиков был и М. Е. Салтыков-Щедрин. Его скепсис ярко выразился во втором прямом обращении к опыту С. Т. Аксакова: *«...поскоблите немного и самого старика Багрова, и вы убедитесь, что это совсем не такой самостоятельный человек, каким он кажется с первого взгляда»* [т. 17, с. 337]. *Имеется в виду будто бы неистребимая крепостническая «подкладка» характера Багрова-старшего. То есть противоречивая многосоставность характера Степана Багрова не устраивает Щедрина-сатирика, как и других критиков С. Т. Аксакова. Всем им нужен «крепостнический вектор», и если он не просматривается, то его можно и навязать (стоит «поскоблить немного» образ персонажа).*

У С. Т. Аксакова среди персонажей «первого ряда», наряду со Степаном Багровым, привлекает внимание Михайло Куролесов. Без упоминаний о нем не обходится почти никто, кому хочется видеть

С. Т. Аксакова в рядах обличителей крепостнических отношений. А между тем, не так уж однозначен этот Куролесов. Вот и сам автор начинает его характеристику с двойственности впечатлений, которые он оказывает на окружающих. Он умеет подольститься и в результате очаровывает многих. Устоял перед его обаянием один лишь Багров-старший, который обладал чуткостью к людям – слышал «зло под благовидною наружностью» и угадывал «будущее его развитие» [1, с. 105].

Если уж искать в образе Куролесова признаки типологии, то она носит не столько социальный, сколько общечеловеческий характер. В какие-то моменты может показаться, что Аксаков воплощает в этом образе чистое зло. *Он не жалеет эпитетов и мрачных красок, чтобы нагнетать такое впечатление: «Кровожадная натура Куролесова, воспламеняемая до бешенства спиртными парами, развивалась на свободе во всей своей полноте и представила одно из тех страшных явлений, от которых содрогается и которыми гнушается человечество. Это ужасное соединение инстинкта тигра с разумностью человека»* [1, с. 118].

Здесь уместно вспомнить рекомендацию М. Е. Салтыкова-Щедрина, когда он предлагал присмотреться к Багрову-старшему («поскребите... и обнаружите...»). Она сработала и при изначальной характеристике Куролесова (ведь Багров распознал в нем «зло под благовидною наружностью»). Однако рекомендация может срабатывать в обе стороны; и тогда в контексте *лютости поступков Куролесова проявляются проблески его набожности, неожиданность которых акцентируется самим автором: «Замечательно, как необъяснимое явление и противоречие в искаженной человеческой природе, что Михаила Максимович, достигнув высшей степени разврата и лютости, ревностно занялся построением каменной церкви в Парашине»* [1, с. 124].

Примечателен в истории Куролесова и «последний штрих»: «Не могу умолчать, что лет через сорок, сделавшись владельцем Парашина, внук Степана Михайловича [т.е. фактически сам С. Т. Аксаков. – Ю. С.] нашел в крестьянах свежую, благодарную память об управлении Михаила Максимовича, потому что чувствовали постоянную пользу многих его учреждений; забыли его жестокость, от которой страдали преимущественно дворовые, но помнили умение отличать правого от виноватого, работающего от ленивого, совершенное знание крестьянских нужд и всегда готовую помощь» [1, с. 136–137].

Мы изначально предполагали, что М. Е. Салтыков-Щедрин на многое из аксаковской «Семейной хроники» откликается в своей «Пошехонской старине». И на описание С. Т. Аксаковым злодейств Михайлы Куролесова сатирик не мог по-своему не отреагировать. Это как будто *вдохновило* его на создание еще более мрачного собственного художественного этюда. В главе «Тетенька Анфиса Порфирьевна» нагнетаются, почти по-Достоевскому описанные, чуть ли не «карамазовские страсти». В этом щедринском сюжете (история семьи Савельцевых), в отличие от аксаковского рассказа о Михайле Куролесове, нет ни единого морального проблеска. Однако если присмотреться и вникнуть в источники текста, – весь этот сюжет оказывается плодом воображения автора. У С. Т. Аксакова описание истории Куролесовых базировалось на автобиографических фактах. У Салтыкова-Щедрина история Савельцевых, как известно, не имела единой автобиографической основы, потому что у ее участников было сразу по несколько прототипов [т. 17, с. 525].

Таким образом, можно еще раз убедиться, что С. Т. Аксаков исходил из фактов, которые оказывались типичными для русской социальной жизни, и писателю достаточно было подключить свое воображение, чтобы придать им дополнительный психологический колорит. Творческий опыт М. Е. Салтыкова-Щедрина в «Пошехонской старине» был иным. Писатель лишь отчасти отталкивался от реальных жизненных фактов, которые зачастую узнавал понаслышке, но они укладывались в типологическую систему. А далее он давал волю своему богатому художественному воображению. Это подтверждали идеологически лояльные к сатирику комментаторы. Так, например, С. А. Макашин признавал (по поводу «Пошехонской старины»): «...биографические *realia* детства Салтыкова введены в произведение в *определённой идейно-художественной системе, которой и подчинены. Система эта – типизация*» [т. 17, с. 520].

Примечателен финал аксаковской «Семейной хроники»: «Прощайте, мои светлые и темные образы, мои добрые и недобрые люди, или, лучше сказать, образы, в которых есть и светлые и темные стороны, люди, в которых есть и доброе и худое!» [1, с. 279]. Подобные высказывания были нередки у С. Т. Аксакова. Но в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина они звучать не могли, в чем мы имели возможность убедиться.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков, С. Т. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1955. 643 с.
2. Добролюбов Н. А. Деревенская жизнь помещика в старые годы // Добролюбов, Н. А. Собрание сочинений в 9 т. Т. 2. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1962. С. 290–327.
3. Кожин В. В. «Семейная хроника» С. Т. Аксакова // Аксаковский сборник. Вып. 4. Уфа, 2005. С. 13–22.
4. Лобанов М. П. Сергей Тимофеевич Аксаков. М.: Мол. Гвардия, 1987. 354 с.
5. Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Биография. Том 1. М.: Гослитиздат, 1951. 588 с.
6. Макашин, С. А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860-х гг. Биография. М.: Худож. лит., 1972. 600 с.
7. Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. Биография. М.: Худож. лит., 1989. 527 с.
8. Машинский, С. И. Сергей Тимофеевич Аксаков. Вступительная статья /С. И. Машинский // С. Т. Аксаков. Собр. соч. в 4 т. / С. Т. Аксаков. Т. 1. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1955. С. 5–72.
9. Пирожкова Т.Ф. Семейство Аксаковых до и после крестьянской реформы // Вестн. Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2017. № 5. С. 177–198.
10. Прокудин Б. А., Прокудина Д. А. «Семейная хроника» С. Т. Аксакова как патриархальный идеал крепостного строя и приговор ему: историко-политологический анализ // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 52. – С. 213–230.
11. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в 20 тт. М.: Художественная литература, 1975.

Поступила в редакцию 04.06.2023

Скиба Юлия Александровна, учитель русского языка и литературы
ГБОУ «Средняя общеобразовательная Школа № 508»
196084, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский пр., 129а
соискатель кафедры русского языка и литературы
ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина»
196606, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10
E-mail: cool_11@mail.ru

Yu.A. Skiba

**THE TESTIMONIES OF S.T. AKSAKOV AND M.E. SALTYKOV-SHCHEDRIN
ABOUT THE SERFDOM ERA AS A SCIENTIFIC PROBLEM**

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-1-203-208

In the article, based on the material of two works – Aksakov's «Family Chronicle» and Saltykov-Shchedrin's “Poshekhonskaya starina” – a significant difference in the reproduction by writers of the way and mores of the serfdom era is clarified. Shchedrin twice directly refers to Aksakov's experience, but each time he does not develop it, but starts from it in order to explain what is depicted in his own way, in a satirical version. The article contrasts the factors of social kinship of writers with the difference in their life circumstances and the corresponding experience. The idea is substantiated that in the creative work of Aksakov and Saltykov-Shchedrin there was a different ratio of personal impressions, third-party facts and artistic imagination. The example of two images from the “Family Chronicle” shows their inconsistency, alien to social typology. In turn, Shchedrin proceeds from the ideological and artistic system, which subordinates one-dimensional images in his “Poshekhonskaya starina”.

Keywords: denunciation, idealization, satire, childhood impressions, landlord life, typification.

REFERENCES

1. Aksakov S.T. Sbranie sochinenij v 4 t. T. 1. [Collection of Works in 4 vols. Vol. 1.] Moscow, State Publ. House of Fiction, 1955, 643 p. (In Russian).
2. Dobrolyubov N.A. Derevenskaya zhizn' pomeshchika v starye gody [The village life of a landowner in the old years]. Dobrolyubov N.A. Sbranie sochinenij v 9 t. T. 2. [Collected works in 9 vols. Vol. 2.]. Moscow; Leningrad, State Publ. House of Fiction, 1962, pp. 290–327. (In Russian).
3. Kozhinov V.V. «Semejnaya hronika» S.T. Aksakova [“Family chronicle” of S. T. Aksakov]. Aksakovskij sbornik. Vyp. 4 [Aksakov collection. Issue 4]. Ufa, 2005, pp.13–22. (In Russian).
4. Lobanov M.P. Sergei Timofeevich Aksakov [Sergey Timofeevich Aksakov]. Moscow, “Publishing House Young Guard”, 1987, 354 p. (In Russian).

5. *Makashin S.A.* Makashin S.A. Saltykov-Shchedrin. Biografiya. Tom 1. [Saltykov-Shchedrin. Biography. Volume 1]. Moscow, "Goslitizdat" Publ., 1951, 588 p. (In Russian).
6. *Makashin S.A.* Saltykov-Shchedrin na rubezhe 1850–1860-h gg. Biografiya [Saltykov-Shchedrin at the turn of the 1850s–1860s. Biography]. Moscow, State Publ. House of Fiction, 1972, 600 p. (In Russian).
7. *Makashin S.A.* Saltykov-Shchedrin. Poslednie gody. 1875–1889. Biografiya [Saltykov-Shchedrin. Recent years. 1875–1889. Biography]. Moscow, State Publ. House of Fiction, 1989, 527 p. (In Russian).
8. *Mashinsky S.I.* Sergej Timofeevich Aksakov / Vstupitel'naya stat'ya [Sergey Timofeevich Aksakov. Introductory article]. S.T. Aksakov. Sobranie sochinenij v 4 t. T. 1. [Collected works in 4 volumes. Vol. 1.] Moscow, State Publ. House of Fiction, 1955, pp. 5–72. (In Russian).
9. *Pirozhkova T.F.* Semejstvo Aksakovyh do i posle krest'yanskoj reformy [The Aksakov family before and after the peasant reform]. Vestnik Moskovskogo universiteta Seriya 10. Zhurnalistika [Bulletin of the Moscow University. Series 10. Journalism.], 2017, no. 5, pp. 177–198. (In Russian).
10. *Prokudin B.A., Prokudina D.A.* "Semejnaya hronika" S.T. Aksakova kak patriarhal'nyj ideal krepostnogo stroya i prigovor emu: istoriko-politologicheskij analiz ["The family chronicle" of S.T. Aksakov as the patriarchal ideal of the serf system and its verdict: historical and political analysis]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 2019, no. 52, pp. 213–230. (In Russian).
11. *Saltykov-Shchedrin M.E.* Saltykov-Shchedrin M.E. Sobranie sochinenij v 20 tt. [Collection of Works in 20 vols]. Moscow, State Publ. House of Fiction, 1975. (In Russian).

Received 04.06.2023

Skiba Yu.A., Teacher of Russian
Secondary School No. 508
Moskovsky prospect, 129a, Saint Petersburg, Russia, 194084
applicant of the Department of Russian Language and Literature
Pushkin Leningrad State University
Peterburgskoe shosse, 10, Pushkin, Saint Petersburg, Russia, 196606
E-mail: cool_11@mail.ru